

Египет: от государственного контроля СМИ до гражданского движения в соцсетях

Диана Хачатрян

В данной статье рассматриваются предпосылки зарождения гражданской активности в социальных сетях в период революционных событий в Египте в 2010–2011 гг.

Ключевые слова: Египет, Facebook, Twitter, социальные медиа, гражданское движение.

Самый влиятельный человек мира в 2011 г., по версии журнала «Тайм» (*Time*), Ваэль Гоним считается символом «египетской весны». Он, будучи директором по маркетингу *Google* на Ближнем Востоке и в Северной Африке, создал в июне 2010 г. страницу «Каждый из нас Халед Саид» на *Facebook* в память о забитом до смерти тайной полицией молодом человеке по имени Халед Саид. В первый день к странице присоединилось 36 тыс. человек¹, а через три месяца после ее запуска число подписчиков достигло 250 тыс. человек². Активные пользователи *Facebook* после открытия страницы смогли мобилизоваться для участия в первой акции – «Немое стояние». По данным Рейтер (*Reuters*), в мероприятии приняло участие 8 тыс. манифестантов³. Фактически 19 июня *Facebook* вывел на улицы Египта первую волну демонстрантов – молодых безработных людей с высшим образованием. К ним в скором будущем примкнули египтяне, которые никогда не пользовались интернетом и, скорее всего, даже не слышали о существовании социальных сетей: уличные торговцы, мусорщики, футбольные фанаты, представители 16-миллионного населения трущоб (так называемых «ашвайятов»)⁴.

Хотелось бы отметить, что первый опыт гражданской организации в Сети пришелся

Хачатрян Диана Карленовна – аспирантка кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, d_khachatryan@mail.ru

на 2008 г. Тогда вследствие мирового финансового кризиса (учитывая также зависимость Египта от продовольственного импорта) многие египтяне оказались ниже черты бедности. В результате произошла забастовка работников текстильной фабрики, расположенной к северу от Каира. С целью поддержки забастовщиков блогеры организовали в Facebook группу «Молодежное движение 6 апреля». Это был первый опыт массовой самоорганизации в Сети. Реакция органов безопасности Египта последовала незамедлительно. Они создали новое подразделение охраны порядка в интернете. Национально-демократическая партия (на тот момент правящая партия в Египте) учредила «Электронный комитет», который должен был влиять на общественное мнение в интернете в пользу партии через участие в веб-сайтах и социальных сетях. В результате молодая активистка Исра Абдель Фатах была арестована за создание «забастовочной» группы в Facebook.

Египетская революция в 2011 г. также носила, на наш взгляд, сетевой характер. По мнению эксперта в области информационных технологий Бориса Славина, характерные черты протестов (региональный охват, спонтанность выступлений и направленность против конкретных чиновников) являются не чем иным, как проявлением «сетевой» социализации населения⁵. Благодаря современным коммуникациям стало возможным выстраивание новых сообществ вне территориальных границ. «Таким образом, если люди не доверяют своим правительствам, а власти не доверяют своему народу (в конце концов, политические партии прибегают ко всевозможным уловкам для того, что победить на выборах), то отсюда следует, что появление интернета как пространства свободы стало материальным воплощением этого раскола, причем защитники свободы стараются сохранить эту новую территорию благоприятных возможностей, а власти

мобилизуют свои мощные ресурсы в попытке перекрыть любую утечку в их системах контроля»⁶, – считает американский социолог Мануэль Кастельс.

По мнению исследователей Кембриджского университета Ричарда Фокса и Дженнифера Рамоса, новая медийная среда обеспечивает развитие культуры участия и потому способствует продвижению демократических практик. За последние два десятилетия, отмечают они, у граждан появились новые возможности получать и осмысливать новости, начиная с вовлечения граждан в разговорные программы на радио в США и заканчивая формированием в интернете историй, которые интересны не только (и не столько) редакторам и журналистам, но и потребителям новостей. Широкое распространение блогов в начале 2000 гг. усилило «партиципаторный» тренд – читатель более не пассивный потребитель информации⁷.

Журналист Юрий Сапрыкин полагает, что администратор протестной страницы в Facebook Ваэль Гоним в египетской революции выполнял функцию телеграфа – коммуникационного узла, перераспределявшего информационные потоки: «Общественные слои, к которым обращался Гоним, – разношерстная масса пользователей соцсетей, его собственный класс – народившиеся в последнее десятилетие *digerati*, цифровая элита, сотрудники высокотехнологичных компаний; его основной классовый интерес – свобода распространения информации, его тактика революционной борьбы – статусы в Facebook»⁸.

Безусловно, сайты социальных сетей сыграли важную роль в египетской революции. В Египте, где преобладает молодое население, высокий уровень безработицы, инфляция и государственный контроль над СМИ, рост развития цифровых медиа явился двигателем радикальных социально-политических перемен. На наш взгляд, события, произошедшие в январе 2011 г.,

стали следствием интернет-экспансии. Сайты социальных сетей не без участия традиционных масс-медиа смогли донести информацию до внешнего мира. В условиях резкого падения стоимости мобильной связи, роста распространения интернета и государственной цензуры Facebook стал площадкой, которая удовлетворяла потребности пользователей. В режиме реального времени виртуальные протестанты делились своими впечатлениями посредством фотографий и видео, находили друзей по интересам, дискутировали, координировали свои действия, а также воплощали свои идеи в реальность. По мнению экспертов, виртуальная коммуникация создала у пользователей чувство сопричастности, а выкладывание фотографий или видеоролика придало эффект присутствия. Дебора Уиллер и Лорен Минтс полагают, что пользователи интернета в арабском регионе формируют критическую массу. Они используют технологии для коммуникаций, обучения, развития, выражения мнений, сопротивления, для того чтобы бросить вызов общепринятым нормам, рисковать, стратегически менять жизнь. «Вся эта повседневная деятельность формирует больше активных граждан, более образованную общественность и способствует индивидуальному развитию. Государство не может остановить этот процесс. Государство не может преследовать миллионы людей за поведение, которое не является преступным. <...> Представителям этой новой общественности нужно более терпимое и отзывчивое государство. Вовлекая друг друга в гражданскую активность, люди разделяют свои мечты о демократическом будущем, предоставляющем больше возможностей»⁹.

Интернет помог преодолеть египтянам главный психологический барьер последних лет – страх перед властью. Большинство египтян до начала протестных волнений 2011 г. придерживалось позиции: «я не ин-

тересуюсь политикой». По словам Гонима, аполитичность общества была следствием глубоко укоренившейся культуры страха¹⁰. Долгие годы в Египте было принято избегать разговоров о политике, так как была убежденность, что простой народ ничего не в силах изменить. Египтяне, выросшие в 50–60 гг, пережили наихудшие репрессии в новейшей истории Египта: аресты, пытки, военные суды и другие формы гнета. Большинство из них политической деятельности предпочло безопасность¹¹, – считает Гоним. Facebook и Twitter, где истинное лицо можно скрыть за аватаром дал египтянам ощущение защищенности. «Они создали сообщество, которое базируется на единении. Единение – основной психологический механизм, преодолевающий страх»¹², – пишет Кастельс.

Государственный контроль над СМИ

В 2011 г. в Египте было 54 телеканала: 31 частный спутниковый и 23 – государственных, которые включали как спутниковое, так и наземное телевидение. С момента создания египетское телевидение позиционировало себя как «голос правительства». Все национальные вещательные СМИ (данные на 2012 г.) находились в ведении государственного «Египетского телерадиосоюза» (ERTU) министерства информации страны. Он был сформирован в соответствии с «Законом 13» в 1979 г. (последние изменения внесены в него в 1989 г.). Основная цель Телерадиосоюза – осуществление полного контроля над радио и телевидением Египта¹³. С момента появления «Египетского телерадиосоюза» правительство ввело ограничения для СМИ, принимая во внимание большое влияние телевидения и радио на египтян из-за высокого показателя неграмотности населения в стране. Несмотря на то что уровень грамотности к 2011 г. вырос по сравнению с 1986 г. на 32% и составил – 76% (из них мужчины – 84%, женщины – 68%), радио и телеви-

дение по-прежнему оставались наиболее распространёнными СМИ в Египте и имели самый высокий уровень проникновения¹⁴. Согласно докладу *Arab Media Outlook 2011*, египтяне тратят значительное количество времени на просмотр телепередач – 40% египтян смотрят телевизор четыре часа в день. Лишь небольшая часть респондентов (0,5%) не смотрит телевизор вообще¹⁵.

Второе место по уровню популярности среди СМИ занимает радио. В 2010 г. около 68% домохозяйств имели радиоприемники. Египетское радио было основано в 1920 г. и оставалось под контролем государства до начала 2000 г., когда были созданы первые частные радиостанции (в основном развлекательного формата). В 2011 г. почти все радиостанции контролировались государством. Среди них было несколько частных станций в FM-диапазоне, которые передавали только музыку. Правительство запрещало местным частным станциям транслировать новости или аналитические и политические программы.

До отставки президента Египта Хосни Мубарака «Египетский телерадиосоюз» занимал охранительную позицию: предупреждал об опасности хаоса и заявлял о необходимости подчинения властям. С 31 января 2011 г. логотип государственного телевидения сопровождала надпись «Защитим Египет!» на арабском и английском языках. Прямая трансляция «Египетского телерадиосоюза» с площади Тахрир – центра народных волнений – была включена только за два дня до отставки президента. На следующий день после его отставки руководство «Египетского телерадиосоюза» от имени египетского телерадиовещания выпустило официальное заявление о своей поддержке революции.

В дни революции 2011 г. египетские государственные телеканалы поддерживали линию правительства, пытаясь убедить телезрителей, что египетский режим нужно уважать и протестующие виноваты

в насилии и отсутствии безопасности. Государственные телеканалы настоятельно рекомендовали зрителям не смотреть международные каналы, которые якобы искажают и преувеличивают действительность¹⁶. Тем не менее подавляющее большинство египетских зрителей получало информацию о событиях, происходящих в стране, из международных каналов – Си-эн-эн (CNN), Аль-Джазира (*Al-Jazeera*), Аль-Арабия (*Al-Arabiya*). Часть египтян также получала информацию из частных телеканалов, хотя некоторые из них ни чем не отличались от государственных. Например, известен случай, когда частный телеканал «Аль-Мехвар» (*Al-Mehwar*) взял интервью у египтянки, которая утверждала, что ее подослали на площадь Тахрир террористы. Однако позже выяснилось, что она журналистка местной газеты, которую завербовали сотрудники внутренней безопасности¹⁷.

Необходимо отметить, что финансирование являлось одним из основных факторов, влияющих на независимость египетской телеиндустрии. Египетское государственное телевидение главным образом финансировалось посредством правительственных субсидий и за счет доходов от рекламных объявлений. Это позволяло государству осуществлять политическое вмешательство в редакционную политику СМИ. В Египте журналисты, работающие в государственных СМИ, как правило, имеют приоритет в доступе к информации, так как деятельность президента или правительства может быть освещена только после согласования с министерством информации. В целом можно сказать, что монополия государства на аудиовизуальные медиа свидетельствует о том, что правительство рассматривает эти СМИ как политический инструмент, с помощью которого можно контролировать общественное мнение.

Вместе с тем печатная пресса в Египте в 2011 г. была представлена широко: издавалось более 500 газет, журналов и дру-

гих периодических изданий¹⁸. Согласно действующей на тот момент Конституции, газеты могли принадлежать не только государственным и частным юридическим лицам, но и партиям¹⁹. Однако для издания газеты необходимо было получить лицензию у Верховного совета по делам печати, который формировался по усмотрению президента. В обязанности Совета входило рассмотрение лицензий на издание газет вместе с кабинетом министров и службой безопасности. Глава Верховного совета по делам печати являлся спикером Совета Шуры (верхняя палата парламента Египта).

В 2011 г. в стране была государственная монополия на типографскую отрасль. За исключением газеты «Аль-Масри Аль Йом» (*Al-Masry Al-Youm*) (единственная газета в Египте с собственной типографией) все египетские газеты использовали государственные типографские дома для печати и распространения своих изданий. Правительство владело контрольным пакетом акций в трех крупнейших газетах Египта – «Аль-Ахрам» (*Al-Ahram*), «Аль-Гомхуриа» (*Al-Gomhuria*), «Аль-Ахбар» (*Al-Akhbar*), а редакторов назначал президент Мубарак. Сотрудники этих изданий были членами правящей Национальной демократической партии.

При этом число независимых газет в Египте при режиме Мубарака начало увеличиваться, однако частные газеты зачастую преследовались по закону. Главный редактор газеты «Аль-Дустур» (*Al-Dostor*) Ибрагим Эсса 18 февраля 2008 г. в эфире канала «Аль-Джазира» заявил, что его газета подвергалась уголовному преследованию 45 раз в течение первых трех лет издания (тогда газета была еженедельником, сейчас выпускается также и ежедневно). На момент отставки Мубарака (февраль 2011 г.) «Аль-Дустур» была пятой по величине ежедневной газетой в Египте с ежедневным тиражом – 45 тыс. экз.

Частные газеты имели также проблемы и из-за отсутствия финансирования и рекламы. Так, ежедневная независимая газета «Аль-Бадиль» освещающая протесты рабочих, нарушения прав человека и случаи коррупции, была закрыта в 2009 г. из-за долгов, которые составили 3 млн долл. Через полтора года вышла ее онлайн-версия «Новый Бадиль». «Существуют четкие признаки того, что чиновники закрывают СМИ, которые распространяют новости наземным путем, поэтому мы решили выпускать газету в киберпространстве. Поначалу мне казалось, что причина закрытия нашей газеты чисто финансовая. Но позже выяснилось, что предложения о покупке газеты были, но они ни к чему привели. Вероятно, владельцы столкнулись с давлением со стороны государства, которое могло оказать влияние на их собственный бизнес»²⁰, – отмечал редактор издания Халед аль-Бальши. Возрождение газеты, по мнению исполнительного директора Арабской сети информации о правах человека Гамалы Эйда, доказывает, что интернет являлся единственным пространством, которое оставалось вне контроля правительства, бизнесменов или органов безопасности.

Несколько журналистов частных газет в 2008 г. были арестованы и заключены под стражу за нарушение законов, которые запрещали критику президента и государственных учреждений, а также за распространение ложной информации, наносящей вред репутации и интересам страны. Закон о чрезвычайном положении, Закон о прессе и положения уголовного кодекса на момент начала революционных действий регулировали прессу, несмотря на конституционные гарантии свободы печати. К 2011 г. 186 законов прямо или косвенно ограничивали независимость СМИ²¹.

Вместе с тем 48 ст. Конституции Египта запрещала цензуру, за исключением случаев, предусмотренных Законом о чрезвычай-

чайном положении, который Хосни Мубарак принял в 1981 г. Свободу самовыражения и распространения своего мнения посредством любого технологического средства гарантировала 47 статья. Однако около 35 статей в различных законодательных актах вводили санкции для СМИ, которые включали как денежные штрафы, так и заключение под стражу²². Зачастую дела против журналистов и блогеров фабриковывались в целях устрашения журналистского сообщества. Так, в июне 2008 г. редактор еженедельника «Аль-Дустра» Ибрагим Асса и автор статьи Сахар Заки были приговорены к заключению на один год за «распространение ложных и тенденциозных слухов»²³ после публикации информации об антиправительственном судебном процессе. Штрафные санкции в период правления Мубарака составляли от 5 000 до 20 000 египетских фунтов (от 900 до 3 600 долл.), а также тюремное заключение до пяти лет за критику президента или главы иностранного государства. Например, оппонента правительства, известного журналиста Ибрагима Эйса, неоднократно подвергали цензуре – в последний раз в октябре 2010 г., когда он пытался опубликовать статью о том, что президентом страны должен быть египетский дипломат, юрист и общественный деятель Мухаммед аль-Барадеи. Эйса также в 2007 г. был приговорен к лишению свободы на один год за публикацию статьи о слабом здоровье Мубарака, что рассматривалось как государственная тайна (после апелляции приговор был отменен). Всего против журналиста было возбуждено более 60 уголовных дел за нарушение Закона о прессе²⁴.

Правительство Мубарака с целью устранения угроз для легитимности правящей партии использовало прежде всего априорную тактику цензуры, то есть препятствовало получению или публикации информации. Такая цензура, например,

может принимать форму предварительного согласования публикаций. Однако в период между октябрём 2010 и февралём 2011 г. египетское правительство стремительно усилило свою стратегию нападения на мультимедийный контент, одновременно используя его в собственных целях. Переломным периодом стал октябрь 2010 г., когда за несколько недель до парламентских выборов правительство закрыло 14 преимущественно религиозных станций спутникового телевидения (они обвинялись в том, что вещали без соответствующего разрешения и призывали к экстремизму), а также отстранило четырех оппозиционно настроенных к режиму представителей масс-медиа от своих должностей в главных газетах и телевизионных ток-шоу Египта.

Эти атаки были направлены на контент СМИ: журналисты, которые критиковали власть, были уволены, телевизионные станции, подозреваемые в критике режима, закрыты, а прямые репортажи контролировались государством. Ограничение свободы самовыражения продолжалось и в день выборов, когда веб-сайты крупнейших оппозиционных газет были заблокированы.

Нападения на СМИ в период парламентских выборов свидетельствуют о новой медиаполитике правительства, которое ранее ограничивалось использованием «мягкой силы» с редкими проявлениями репрессий для создания медиасговорчивой среды. Действительно, блокирование веб-сайтов, содержание которых обличало мошенническую природу выборов, происходило только в день выборов. Цель правительства состояла не в том, чтобы ограничить доступ к контенту в целом, — антиправительственная информация не должна была дойти до египтян в определенное время. Цензура в день выборов была применена для того, чтобы предотвратить общенациональную координацию протестов с помощью интернета.

Около 1000 активистов, в том числе блогеров и гражданских журналистов, были арестованы в преддверии выборов. По данным организации *Human Rights Watch*, по крайней мере, 10 журналистов были арестованы или задержаны при попытке освещения выборов²⁵. Журналистов целенаправленно не допускали до избирательных участков. В день выборов были сообщения о том, что полиция и силы безопасности избивали и задерживали журналистов, конфисковали и уничтожали фотоаппараты и заметки, выдавали себя за журналистов для того, чтобы следить за активистами гражданского общества и оппозиции.

Огромный вклад в гражданское движение Египта внес бесплатный сервис трансляции видео с веб-камер или мобильных устройств – *Vambuser*. Согласно Мэнсу Адлеру, соучредителю видеосервиса, в 2011 г. число зарегистрированных пользователей

в Египте составляло 15 тыс., большинство из них создали свои аккаунты в период перед выборами в ноябре 2010 г. В день выборов на сайт было загружено более 10 тыс. видео. После этого уровень активности снизился – 2 тыс. видеороликов в день, но затем, когда в январе 2011 г. начались массовые протесты, вернул прежние позиции (10 тыс. в день)²⁶.

Таким образом, в Египте в 2010-2011 гг. горизонтальные социальные средства коммуникации были более эффективны для получения и распространения информации, чем традиционные вертикальные организационные структуры.

Государственный контроль над СМИ в реальном мире создал в виртуальном (общение в социальных сетях *Facebook* и *Twitter*) предпосылки продвижения гражданских инициатив по свержению режима Хосни Мубарака.

* * *

¹ Гоним В. Революция 2.0. СПб, 2012. С. 86.

² Там же. С. 144.

³ Preiss B., Brunner C. *Democracy in Crisis: The Dynamics of Civil Protest and Civil Resistance*. Vienna; Berlin, 2013. P. 175.

⁴ Malsin J. «No Glimmers of Hope»: Two Years After Egypt's Revolution, an Economic Crisis Looms // *Time*. 2013. January, 23.

⁵ Славин Б. Сетевые революции или новая социализация общества. Екатеринбург, 2011 // <http://www.4cs.ru/users/files/fortexts/10948.pdf>

⁶ Кагель М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004. С. 217.

⁷ *iPolitics: Citizens, Elections, and Governing in the New Media Era* / Ed. by Fox R., Ramos J. New York, 2012. P. 11.

⁸ Гоним В. Указ соч. С. 3.

⁹ Wheeler D., Mintz L. *New Media and Political Change: Lessons from Internet Users in Jordan, Egypt, and Kuwait* / *iPolitics: Citizens, Elections, and Governing in the New Media Era*. P. 283-284.

¹⁰ Гоним В. Указ. соч. С. 46.

¹¹ Там же.

- ¹² Castells M. Networks of outrage and hope. UK, 2012. P. 10.
- ¹³ Данные «Артикля 19» // <http://www.article19.org/join-the-debate.php/80/view/>
- ¹⁴ По данным ЮНЕСКО // http://stats.uis.unesco.org/unesco/TableView/document.aspx?ReportId=121&IF_Language=en&BR_Country=2200
- ¹⁵ Доклад об арабских СМИ // <http://www.arabmediaforum.ae/userfiles/EnglishAMO.pdf>
- ¹⁶ http://www.adyanonline.net/pluginfile.php/1038/mod_resource/content/0/Papers_Opening_Session/Panel_1-Farag_Elkamel.pdf
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Поданным Freedomhouse // <http://www.freedomhouse.org/sites/default/files/FOTR%202011%20Final%20Full%20Report.pdf>
- ¹⁹ William R. A. Arab Mass Media: Newspapers, Radio & Television in Arab Politics. USA, 2004. P.122.
- ²⁰ El-Hennawy N. Leftwing journalists resurrect independent daily on the web // Egypt Independent. 2010. November, 11 // <http://www.egyptindependent.com/news/leftwing-journalists-resurrect-independent-daily-web>
- ²¹ Сравнительный отчет по государственным СМИ в Египте, Иордании, Ливане и Марокко. 2007 // <http://www.ifes.org/-/media/Files/Publications/White%20PaperReport/2007/677/Media%20Comparative%20Report%20FINAL.pdf>
- ²² Поданным Freedom house // <http://www.freedomhouse.org/sites/default/files/Country%20Reports%202010%20final%20for%20website.pdf>
- ²³ Country Reports on Human Rights Practices for 2008: Vols. I and II. Washington, 2008. P. 1921.
- ²⁴ Данные Freedom House // <http://www.freedomhouse.org/report/freedom-press/2011/egypt>
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Preston J., Stelter B. Phone Cameras Credited With Helping the World See Protests in Middle Noha El-Hennawy East // The New York Times. 2011. February, 18.